

Звание Баба-яга. Потомственная ведьма

Автор:

[Вера Чиркова](#)

Звание Баба-яга. Потомственная ведьма

Вера Андреевна Чиркова

Звание Баба-яга #1

Даже самая мудрая и опытная колдунья, называющая себя по новой моде экстрасенсом, абсолютно не защищена от злых шуток судьбы.

Хронические неудачи в любви, внезапные перемещения в параллельный мир, трансформации в метаморфа и многое другое может свалиться ей на голову внезапно, как лавина или цунами. Но только истинной, потомственной русской Бабе-яге под силу выйти из всех этих испытаний живой и невредимой и найти дорогу домой. А иногда и еще что-нибудь вдобавок.

Вера Чиркова

Звание Баба-яга. Потомственная ведьма

Пролог

– Прекрасно выглядишь. Прошу!

Высокий и импозантный мужчина элегантно подставил мне локоть. Я секунду помялась, незаметно вздохнула и положила вялую ладошку на сгиб

белоснежного рукава.

Ради справедливости отметив, что он и сам просто потрясающе смотрится в черных облегающих джинсах, черной же шелковой рубашке и белом пиджаке «от кутюр».

Его волнистые черные волосы, забранные в хвост, прекрасно дополняли так лелеемый некоторыми девушками облик крутого мачо, от которого у меня почему-то сводит оскоминой скулы.

- Взгляни, - подвел меня хозяин дома к огромному зеркалу, отражающему нас в полный рост. - Не правда ли, прекрасная пара?

- Шутишь! - легкомысленно фыркнула я, а в сердце больно заняла незажившая рана.

Совсем другого мужчину я мечтала бы увидеть вместо него рядом с собой...

А вот этого сейчас не нужно. Заметив, как разгорается в глубине зрачков холодное зеленое пламя, спешно беру под контроль издерганные нервы.

- Нет, - твердо и надменно ответил он. - И у тебя будет время в этом убедиться.

- Надеюсь, - буркнула я и тихо вздохнула - вот чего мне действительно не хватало в последние дни, так это именно времени.

Хотя сначала казалось, что вот как раз его у меня в избытке. А ведь начиналось все так просто, так незамысловато! Собралась я немного развеяться, отдохнуть от трудов несправедливых...

Глава первая

День первый, очень безалаберный, принесший мне только неприятности

Домофон заголосил спозаранку.

– Пожалуйста, прошу... заклинаю, не откажите... мне очень нужна помощь! Я хорошо заплачу! – Упитанный, седеющий и лысеющий мужчина смотрел с экрана так умоляюще, что я сдалась.

– Проходите. – Вот что делает с нами, женщинами, проклятая жалость, ведь времени-то у меня в обрез.

Я потому и встала так рано, чтобы все успеть. И ничьи визиты мне сегодня даром не нужны. Будь ты хоть самый выгодный клиент. Да хоть олигарх.

Но...

Мне самой сейчас несладко. Точнее, паршиво и погано, причем – не первый день. И даже не первый месяц. Так мерзко, что я даже решилась на крайние меры. Отринуть на несколько дней все дела, и важные, и очень важные, и предаться крупномасштабному разгулу.

И потому просто не смогла отказать коллеге по несчастью. Ну знаю, что никакой логики, но я же женщина? И к тому же далеко не простая.

– Можно стакан воды? – Лысачок уже устроился на диванчике в холле, где я обычно принимаю клиентов, и, прижимая к пузику ноутбук, заинтересованно озирает эксклюзивный дизайн, обошедшийся мне в кругленькую сумму.

Зато клиенты впечатляются прямо с порога.

Да что там клиенты. Я сама, когда впервые увидела, пять минут ничего сказать не могла. Приличного.

Даже хотела вначале заставить дизайнера лично утащить отсюда всех этих заспиртованных змей и жаб, расставленных по полочкам, ко всем... их предкам, но тут пришла посоветоваться одна из тех, кто гордо называет себя экстрасенсами, ахнула, завистливо вытаращила глазки... и вопрос снялся сам собой.

К тому же позже я выяснила, что трехголовые змеи и гигантские пиявки, плавающие в стилизованных под старину сосудах, – просто муляжи. Как и мохнатый паук размером с котенка, висящий в углу на капроновой паутине и мерно покачивающийся от скрытого в стене вентилятора. В другом углу у меня сидит на жердочке чучело филина и посверкивает светодиодными глазищами.

– Вот, – поставив перед клиентом стакан, уселась я в свое кресло перед сложенным из необработанных камней очагом с висящим в нем закопченным котелком. – Рассказывайте, у меня очень мало времени.

– А мне нечего рассказывать...

– Тогда вам не ко мне, а к психиатру, – почти рявкнула я, но смолкла, заметив, как испуганно сжался под моим озверевшим взглядом клиент.

Да что ж ты такой зашуганный? Неудивительно, что спозаранку проблемы мучают.

– Простите... я неправильно выразился, я надеялся, что это вы мне расскажете... куда она от меня ушла.

– Фото.

– Вот. – Клиент торопливо достал из кармана мобильник и сунул мне под нос.

– В следующий раз приносите на бумаге, – мельком глянув на изображение стройной девицы в крошечном купальнике, строго приказала я. – А теперь давайте предмет... ну, вы принесли какую-нибудь вещь, которая принадлежала лично ей?

– Так ничего же не осталось, она все забрала. И половину моих вещей тоже... все самое ценное.

– Не может такого быть, чтобы не осталось ничего, – сообщаю, красноречиво оглянувшись на огромные напольные часы с кукушкой. – Можно заколку, носок, что-то из белья, любое, что она носила хотя бы несколько часов.

– Вот, – страдальчески попыхтев, лезет мужчина в карман и, смущаясь, подает непрозрачный пакет.

Хм. С ними все ясно. Но не мое это дело, мне сейчас найти изменницу нужно, и обойтись полумерами не получится.

Значит, придется потратить силу... ну и ладно, ночью все восстановлю с избытком.

Осторожно коснувшись пальцем черной кожи, горестно вздыхаю – даже этот лысый и старый счастливее меня. Еще вчера у него была любимая девушка, и он долгими зимними вечерами не сидел у телевизора в обнимку с котом. Или с мышкой в руке у компа.

Картинка возникла на редкость ясная, вовремя он прибежал, да и принес то, что нужно.

– Как платить будете? – Я, конечно, очень добрый и жалостливый человек, но в шесть утра искать чью-то пропавшую любовницу бесплатно? Извините, это не про меня.

– Чеком?

– Наличными или немедленным перечислением на счет.

Он серьезно кивает, уточняет сумму и номер счета, затем, взглянув на меня уважительно, нажимает в ноуте несколько кнопок.

– Где она?

– Там же, где и ваш друг, – проверив прохождение гонорара, сообщила я. – Черноволосый такой, я видела вас вместе за столом, вы пили что-то из высоких бокалов, ваша девушка была в белом платье без бретелек... вспомнили? Они сейчас сидят рядом... по-моему, в самолете, из-за скорости картинка очень блеклая и сразу погасла.

– Серега!.. – ошеломленно охнул лысый. – Ну, гад! А как мне ее вернуть?

- Приходите через неделю, займусь. Сегодня мне некогда, я сейчас уйду.

- А вечером вы свободны?

Это что, это он меня клеит, что ли?

Вот этот толстоватый и лысоватый?

О ужас, до чего я докатилась. Ко мне скоро старички с коробочками домино подсаживаться начнут.

- Я улетаю, - гордо демонстрирую ему авиабилет, - по очень важному делу. Как вернусь - созвонимся. Вот моя карточка, потерять ее невозможно.

Он покосился на меня еще более уважительно и взял визитку. Вот зуб дала бы - обязательно попробует потерять или забыть где-нибудь. Только не стоит по всяким пустякам зубами разбрасываться.

Заперев за ранним клиентом калитку, торопливо направляюсь в дом, времени мало, а сделать нужно так много. Но сначала - телефон.

- Алло? Мне очень жаль, но я вынуждена вас огорчить. Меня нет дома. Но я вернусь... - на миг задумываюсь, непросто определиться в таком тонком вопросе, - во вторник вечером и с удовольствием решу все ваши проблемы. Свое сообщение вы можете оставить после звукового сигнала...

Чпок. Телефон переключен на автоответчик.

Чпок. Мобильник выключен и брошен в сумку, симку сменю позже.

Чпок. Решительно отключаю домофон, а заодно и Интернет.

Уф. Кажется, все. Я облегченно выдохнула и слегка позавидовала своим бабкам, у которых всех этих заморочек не было. Как спокойно им жилось-то.

Все, кому нужны были услуги ведьмы, просто стучали в калитку. Ох, пьяные жежики! Они ведь и в мою обязательно стучать начнут.

Все-таки я – потомственная ведьма, вернее, Баба-яга.

Ну, разумеется, так я себя никогда не называю при клиентах. Таковы уж современные стереотипы, ведьм никто не боится, экстрасенсов вообще боготворят, а от словосочетания «Баба-яга» почему-то начинают зеленеть и трястись.

Хотя если бы задумались, то давно бы для себя определили, что на деле все это – просто разные названия одного и того же явления.

Впрочем, о чем это я? Если бы большинство людей сначала думали, а потом действовали, на земле давно был бы рай. А у меня бы не было ни одного клиента. И, соответственно, ничего из столь милых моему сердцу безделушек. Вроде трехэтажного особнячка и дачки на берегу южного моря.

Но такого, к счастью, пока не происходит, вот и бегут ко мне с утра пораньше все, кому очень уж приспичило срочно отдать кровные денежки, для того чтобы услышать давно известные вещи.

Однако сегодня клиенты мне абсолютно без надобности, потому-то я так решительно и отключила все возможные пути к своему доброму сердцу. А от тех, кто не поверит автоответчику и все-таки дерзнет проверить на прочность мою калитку, поспешила отделаться самым простым и действенным методом – вывесила на ней объявление: «Меня нет дома».

Напечатанное на принтере большими красными буквами. Не знаю уж, почему, но напечатанным объявлениям народ верит в разы больше, чем рукописным.

Покончив с делами, я занялась сборами. Вечером меня ждет важное и строго секретное мероприятие. Слет, или, попросту говоря, шабаш ведьм. Ну разумеется, на Лысой горе, какие могут быть сомнения?

Вот только не стоит вспоминать старые сказки и повторять распространенное заблуждение, что на Земле такая гора всего одна. Ничуть не бывало, почти в

каждой стране имеется такое место, а у нас, в России, так даже целых три.

И вот в ближайшем из них я и собираюсь нынешней ночью оторваться по полной.

Для начала, добравшись до вершины заветной горы на семейной метле, подаренной мне еще прабабушкой, обязательно выпью за встречу с коллегами традиционный ковш настоящей на семи травах хмельной медовухи. Чтобы отпустили заботы и тревоги, расслабились натянутые нервы и страстно захотелось всю ночь напролет нестись в сумасшедшей ведьминской пляске. Да не по молодой травке и камням, а там, в вышине, среди хрустально подмигивающих звезд, под понимающую лукавую усмешку полной луны.

А под утро, едва восток забрезжит нежно-розовым заревом рассвета, так восхитительно будет пробежаться нагишом по росяным кустам и травам и нырнуть в ледяной омут. Чтобы напоследок, свежей и помолодевшей, вылететь вместе с толпой таких же бесшабашных ведьм, между собой зовущих себя Бабками-ёжками, навстречу встающему солнцу, повернувшему к лету.

После таких встрясок жизнь кажется не такой уж серой и беспросветной, а на душе начинает потихоньку таять смерзшаяся куча обид на последнего возлюбленного. И на всех предыдущих. Хотя, если честно и по секрету, не так много их было, как думают мои знакомые. Просто иногда, чтобы не начинали особо жалеть и не развивали бурных поисков кандидата для знакомства, я рассказываю одной из подруг байку про очередного сумасшедше красивого, высокого и стройного брюнета, вдрызг разбившего мне сердце.

Однако вскоре выяснилось, что мои планы пошли наперекосяк. Из-за различных досадных мелочей и недоразумений сборы в дорогу и устройство домашних питомцев затянулись, и в результате я опоздала на свой рейс.

Мне бы насторожиться, задуматься: а не судьба ли намек подбрасывает, мол, не стоит тебе туда лететь? А если уж так хочется – выбери другой путь.

Но я судьбе не поверила, подсказку не поняла, от интуиции отмахнулась, вот и попалась, как лохушка на Казанском вокзале на бесплатное гадание.

Нет, сначала все вроде исправилось. И билет я по знакомству на следующий рейс обменяла, и долетела без проблем.

На такси до деревушки с редким русским названием Ивановка тоже вполне нормально доехала.

Даже до обрыва над безымянной речушкой через деревенскую грязюку пробралась без происшествий.

А на обрыве было так чудесно! День клонился к вечеру, ласковое солнышко подсушило пригорки, и на них, как его крошечные изображения, распустились желтенькие цветочки мать-и-мачехи. Внизу прозрачно поблескивала речка.

Вот тут я искренне уверовала, что удача на моей стороне, и самое последнее предупреждение судьбы в виде перешедшей мне дорогу старушки с полупустыми ведрами сочла банальным совпадением.

Не суетясь, достала из сумки метлу, увеличила ее до нормального размера, пригладила ладонью чуть смятые прутьики.

Ну, милая, не подведи. По-байкерски повязав голову косынкой, забросила сумку на плечо и села на сиденье.

- Вперед, родимая. Земля, прощай!

Обрыв и речка рванули вниз, а небо – навстречу, наполняя душу свежим ветром и восторгом.

Эх, и хорошо-то как!

Так уж вышло, что летать мечтают все, а доступно это только нам, Бабкам-ёжкам.

В какой момент небо вдруг разинуло огромную черную пасть и схлопнуло ее за моей спиной, я не запомнила.

Помню только, что было странное и жуткое ощущение падения... все вертелось в голове и вокруг меня, а вот сколько это длилось, не имею никакого понятия.

Глава вторая

День первый, ну очень-очень безалаберный, продолжается в совершенно неожиданном месте еще более неудачно и необычно, чем начался

Некоторое время после того, как ужасный полет закончился, я не могла пошевелинуть ни рукой, ни ногой. Тело казалось чужим и непослушным, а в голове, как на пьяной карусели, бешено вертелись невнятные обрывки мыслей и чувств.

Такое впечатление, будто свою медовуху я уже выпила, и далеко не один ковш.

Очень не скоро и с великим трудом мне удалось осмотреться, и выяснилось очень загадочное и еще более неприятное обстоятельство. Судя по всему, попала я в совершенно незнакомый дремучий лес. Больше всего похожий на дикую тайгу; насколько мне помнится, только там и остались такие непроходимые заросли и огромные деревья.

Осторожно пошевелив раскинутыми конечностями, вяло порадовалась своей удаче – отголоски боли хоть и остались, но все сгибалось и разгибалось. Даже позвоночник.

Хуже всего обстояло с головой. Нет, было бы неверно сказать, что, рухнув с высоты птичьего полета непонятно куда, я сразу резко поглупела. Ничуть не бывало. Рассуждать я могла, и довольно связно, и где-то в глубине подсознания замирала от тревоги и ужаса.

И одновременно чувствовала себя слегка пьяной, по-детски бесшабашной и легкомысленной, какой не была уже лет двадцать.

И это мне очень не нравилось, просто до отвращения.

Постаравшись собрать в кулак всю силу воли, я приказала себе забыть о непонятном недомогании и озаботиться главным вопросом – как отсюда выбраться?

Но для этого прежде следовало подняться на ноги и осмотреть местность, возможно, где-то рядом обнаружится дорога или какой-нибудь признак человеческой деятельности. Сосредоточившись на этой задаче, я оперлась о землю и попыталась сесть.

Получилось не очень хорошо, что-то мешало, кроме необычной веселости разбегающихся мыслей. Как-то не так все было, неправильно и неудобно.

Но я женщина упорная и целеустремленная, и просто так сдаваться вовсе не в моих правилах. Поэтому настойчивых попыток не прекратила, четко понимая только одно: пока светло, нужно постараться выбраться из этого необычного леса. Даже можно сказать странного, исподволь я уже успела кое-что рассмотреть.

Потому и не сдавалась. Каждый олух знает: чем диковиннее и непривычнее лес, тем страшнее могут оказаться его обитатели. А я сейчас вовсе не в той форме, чтобы с невиданным зверьем сражаться.

Еще и сумка, как назло, куда-то запропастилась, а в ней у меня и метла, и заговоренные снадобья.

– Какая хорошенькая! – неожиданно сказал кто-то прямо надо мной до невозможности восхищенным голоском.

И вот за этот восторг я сразу простила незнакомцу всю его наглость.

Впрочем, он тоже был ничего. Стройный как тростинка, юный, изящный и зеленоглазый. Даже копна волос медового цвета почему-то слегка отливала зеленью. Или это тут отсвет от деревьев такой?

– Ты кто? – вежливо спросила я, полулежа возле пенька.

Огромного такого, как от баобаба.

– Гном.

– Не рассказывай мне сказки, – преодолевая головокружение, небрежно фыркнула в ответ. – На самом деле гномов не бывает. А те, которые в сказках, все как один маленькие, коренастенькие, борода до полу, в накачанных ручках огромная кувалда... или как это еще называется... да не важно, а на голове колпачок... вот. А у тебя – сам посмотри. Рост... ну, почти средний... плечики хрупкие... бороды нет, волосы светлые, опять же, кувалды не видно... да и колпачка тоже... Нет, ты не гном. Ты, скорее, на эльфа похож.

Собеседник возмущенно фыркнул, отвернулся и побежал прочь.

Я так и обмерла, ну вот что я наделала? Уйдет ведь, а я даже не успела спросить, в какой стороне его деревня и как до нее добраться.

– Эй! Э-эй! А ты куда это? Стой! – взывала отчаянно, и он немного притормозил. – Ты чего, обиделся? Ну прости, пожалуйста. Пусть будет гном, раз ты так хочешь. Только не бросай меня тут, помоги выйти на дорогу.

– Пошли, – скомандовал гном и, снова развернувшись, поскакал к огромным поваленным стволам, окружавшим полянку.

– Подожди, не так быстро! – Я с трудом поспевала за ним.

Состояние опьянения понемногу начинало проходить, но видела я все вокруг как в туманной дымке. Да и тело еще казалось каким-то чужим, неудобным и неуклюжим.

Парнишка ловко взлетел на невероятно толстое бревно и легко попрыгал с одного ствола на другой.

– Куда?! Эй, постой, не беги ты так, я же через эти бревна в жизни не перелезу! Да и метла куда-то подевалась... И как меня угораздило в эдакую глухомань залететь... – причитала я, все яснее понимая, что безнадежно отстаю.

– Прыгай через бревна, а не ползи под ними, – скомандовал эльф, который упорно продолжал считать, что он гном.

Ну или очень хотел так думать. Да и пусть себе, я знаю уйму людей, которые считают себя вовсе не теми, кто они есть на самом деле.

Вот один мой почти жених почему-то упрямо мнил себя потрясающе красивым и не менее щедрым. В упор не замечая в зеркале ни обвисших щек, ни маленьких глазок. И при этом наивно полагал, что я их тоже не вижу. А заодно не замечая, что принесенные им цветочки явно пережили не одну уценку.

Тут я спохватилась и с огорчением признала, что мои мысли снова норовят ускользнуть куда-то не туда. Да что ж это со мной такое?! Меня же вроде позвал с собой этот... гном.

Ну и как прыгать через такие огромные бревна? Я же не кошка! Но руками все же за бревно схватилась и обмерла от потрясения, рассмотрев совершенно неожиданную картину.

Это были не мои руки и пальцы заодно. На моих никогда не имелось густого и белого пуха. И когтей – длинных, крепких и даже на вид опасных.

Похоже, рановато я решила, что моя голова уже почти в порядке. Какой может быть порядок, когда такая ерунда мерещится?

– Эй, метаморф! Не отставай.

– А почему ты меня так обзываешь? – вяло обиделась я.

– А как мне тебя называть?

Да, действительно, а как? Ну, есть у меня, конечно имя, как у всех нормальных людей, только его всяким встречным-поперечным лучше не открывать. В нем-то ведь вся наша суть, а вдруг у кого желание появится наговор или приговор... Нет, упасите нечистые силы!

Значит, имечко нужно новое придумать, и лучше попроще, иначе с такой дурной головой, как у меня сейчас, сама же первая и забуду. Так-так, ну и как же меня звать-то будут?

О, Вия. И со вкусом, и коротко. И что-то такое сакральное так и слышится. Так что...

- Будем знакомы. Меня зовут Вия.

- Талм, - коротко бросил он, то есть гном, и снова кузнечиком запрыгал от меня по огромным стволам, даже в поваленном состоянии бывшим много выше моего роста. Ну чисто баобабы.

И это по ним я прыгать должна? Да я же ни за что не допрыгну.

А может, все же попробовать? Не зря же такие когти появились на ручках-то?

Как щас зацеплюсь.

Ну зацепилась. Висю. Нет, вишу... или вешу? Как-то не так, но разве в этом суть?

Дальше-то что делать?

Ну повисела... еще повисела... может, хватит? Что там такими когтищами делать положено? Если они все глубже в дерево вонзаются, чем дольше я висю... или все же вишу? Тут мысли мои снова запутались, и пришлось резко мотнуть головой, чтобы вспомнить, чем это я тут занимаюсь.

Так, значит, о когтях. Как мне прыгать на бревно, если они в дереве по самые пальцы засели?

Прежде мне всегда казалось, что у котов когти на удивление легко туда-сюда вонзаются и вынимаются. Может, и мои точно так могут?

Я попыталась вытащить когти из дерева, но они и не подумали вытаскиваться. И до каких пор мне теперь тут висеть? Чего ждать? Пока когти отсохнут или ноги до земли отрастут?

Боюсь, такое счастье мне не грозит. Ноги-то у меня теперь тоже, оказывается, белые и пушистые.

– Р-р-рав! – раздалось прямо под моей... хм, ну там, где ноги.

Когти мгновенно втянулись и рванули выше, ноги, еще секунду назад равнодушно болтавшиеся где-то внизу, рывком подтянулись и зацепились когтями на уровне ушей, но уши ждать не стали, а прыгнули вслед за руками. Руки выпустили когти и впились в кору на самом верху бревна, но ноги уже снова были рядом.

И ведь пошло. Да еще как пошло! Руки хватаются, подтягивают тело, ноги прыгают вперед и отталкиваются...

Пришла в себя я от громкого звонкого хохота. Опомнилась, уселась на чуть шершавом, прогретом солнцем широком боку огромного ствола и бдительно огляделась.

Так, а где оно? Ну, которое рычало?

И чего это гнома так распирает от дурного смеха?

Да не просто распирает. На спину рухнул, тощими ножками в узких штанишках над собой болтает, ручками за живот держится... и звенит, звенит колокольчиком на весь лес!

Нехорошее подозрение потихоньку родилось в моей бдительной ведьминской душе и начало расти. Сначала медленно, как растет нерасстоявшееся тесто в квашонке. А потом разбухло, взыграло... и рвануло из меня мощным потоком.

Выходит, вот этот самый мелкий паршивец надо мной, старшей Бабой-ягой клана, поиздеваться вздумал? Подкрался и рывкнул, гаденыш, так убедительно, что я от страха чуть собственные уши не оттоптала. Вот и рванула, сама не поняла куда. А он, значит, за этим со стороны наблюдал и веселился? Я задумчиво поскребла выпущенными когтями теплую кору, прищурилась и припала к бревну, готовясь к прыжку.

Ну, погоди же, пакостник малолетний. Сейчас ты на себе любимом испытаешь всю действенность собственноручно изобретенного метода. Посмотрим, как ты будешь бегать от того, что рычит в ночи.

А уж рыкнуть по делу, а иногда и просто для порядка, я всегда умела.

– P-p-рау!!!

Мощный толчок задними лапами, и я уже лечу прямо на гнома, валяющегося на мягком ковре из мха.

Мне даже немного жаль его стало где-то на середине полета. Молодой, симпатичный, волосы красивые, чуть зеленоватые, и глаза тоже зеленые... были.

А я его когтями... Ах, поздно!

Никакого гнома на примятом мху уже не лежит.

Я повела неожиданно чутким носом... а, так вот же его след. И размашисто прыгнула в ту сторону.

Но его и тут уже не было.

Так вот ты как!

А я тебя вот так!

Я перелетала со ствола на ствол, изгибаясь на лету в немыслимые позы, в какие и в прошлом-то веке не выгибалась, а его запах летел и летел впереди, дразня и сердя своей недостижимостью.

Ну, погоди ты у меня, шустрый гном! Вот поймаю – жалеть точно не буду.

Испытаешь на своей шкурке остроту моих когтей. Будешь знать, как подшучивать над настоящей Бабкой-ёжкой, как мы иногда шутя величаем сами себя.

– Слышь, Вия! Хватит играть. Меня уже обедать ждут, если сейчас не придем, попадет обоим, – важно объявил откуда-то сверху звонкий голосок.

Опля. Ну вот, милый, ты и попался. Сиди-сиди на той тонкой веточке, а я тут, снизу, покараулю. Никуда тебе оттуда не сбежать.

Я в предвкушении припала к стволу и вильнула... телом.

Что-то белое метнулось перед глазами, и в душе все так и оборвалось.

А это еще кто?

Выпустив когти, осторожно поворачиваюсь назад...

НЕТ.

Этого не может быть. Просто никогда.

Длинный пушистый белый хвост, в нетерпении мечущийся по бревну возле моего тела, просто не может быть моим собственным.

Нет, я ничего не имею против хвостов, особенно против красивых, если они, разумеется, не растут из моего собственного... хм, тела.

Но Бабам-ягам, и тем более цивилизованным ведьмам, просто не положено подобного безобразия. Это же несокрушимый удар по нашему древнему званию и имиджу. Как я теперь в таком легкомысленном виде с клиентами-то буду общаться?

«Скорее всего, я просто заболела, – внезапно родилась в мозгу спасительная идея. – Лежу в горячке, и мне видится, будто я – белая пушистая кошка размером с рысь». Потому что никем иным я себя представить бы не смогла, ведь в глубине души всегда была твердо уверена, что я именно белая и пушистая.

– Вия, ну ты что, обиделась, что ли? – внезапно прорвался сквозь мои размышления звонкий голосок, и узкая ладошка ласково погладила по спинке, заставляя от незнакомого удовольствия крепче зажмурить глаза. – Ну хватит уже тут лежать с закрытыми глазами. Идем, обедать пора. Ну, Вия, я же вижу, что ты не спишь.

– Мрр... – раздался в моей голове странный звук и вдруг обрел не менее странный смысл. – Как пррриятно ты меня гладишь. Теперррь еще за ушком почеши... вот так, пррравильно...

– Талм! Сколько можно тебя ждать? – Чей-то грозный голос так громко рявкнул над моей головой, что я подскочила.

И глаза открыла.

Ого! Вот этот точно на гнома похож, плечами, по крайней мере. Хотя волосы тоже чуть зеленоватые и ленточкой в хвост завязаны, я прекрасно рассмотрела, когда он, пристально меня изучая, нагнулся ниже.

– Молчи, – молниеносно склонившись к моему уху, шепнул Талм, а я и спорить не стала.

Сама понимаю, не дура какая-нибудь, что в иных ситуациях молчание – это чистейшей пробы золото. Я, когда надо, вообще могу молчать, как одичалый партизан в непроходимом лесу.

Только если бы со мной именно за молчание расплачивались, то не видать бы мне трехэтажной избушки еще лет триста. Ведь нашу сестру язык кормит.

– Где ты это нашел? – хмуро поинтересовался сердитый незнакомец и потянул меня за воротник.

Ну или за то место, где он находится должен.

А вот такого хамского обращения с собой я никогда не терпела. И никому не прощала. Потому развернулась тугой пружиной и щелкнула зубами.

Громко так щелкнула, как автоматический замок в моей двери щелкает. Только наглец, который меня хватать вздумал, уже успел отдернуть свою мускулистую руку.

– Прогони ее, – скомандовал плечистый гном худенькому Талму. – Не видишь, какая дикая?

«Это я? – жарким костром вспыхнуло в душе праведное возмущение. – Наследственная Баба-яга для тебя – дикая? Ах же ты, лесник нечесаный! Ну, теперь я тебе такого оскорбления вовек не прощу!»

– Неправда, – обиженно заныл Талм. – Ничего она не дикая, мы с ней так весело поиграли!

«Поиграли? Вообще-то мне казалось, что я тебя ловлю с намерением наказать», – хотела возразить я. Но вовремя вспомнила, что еще минуту назад собиралась изображать немого партизана.

– Вот, смотри, какая она ласковая, – глядя меня по головке, уговаривал парнишка.

Ну чего же ты смотришь так подозрительно, вражина? Не веришь, что я, такая белая и пушистая, могу быть ласковой?

Сейчас докажу. Иди сюда, гном.

Я подвинулась поближе к Талму, высунула язык и провела по его глазастой мордочке.

ТЬфу.

Почему же он горький, как хина?

И отчего так ошарашенно на меня смотрит? Вернее, смотрят, потому как глаза вылупили оба гнома. Ну да, а как они хотели? Язык у меня тоже стал... больше, чем был раньше.

Намного больше. Почти половину личика одним мазком шутнику умыла.

– И как ты ее зовешь? – озадаченно поинтересовался плечистый.

– Вия. Правда красивое имя?

– Ничего. Сам придумал?

– Ага, – спрыгивая вниз, бойко соврал младший и поманил меня за собой.

Иду уже, иду.

«Куда ж я теперь денусь от собственного персонального гнома», – сползая с бревна, буркнула я про себя и подозрительно оглянулась на свой хвост.

Это надо же, сколько живу, никогда до сих пор не знала, какое у меня богатое воображение. Мало того что придумала каких-то неправильных гномов, так еще и вообразила себя кошкой хвостатой.

И лес этот, абсолютно неправильный, что вокруг в небо вершинами уходит, тоже я придумала? И вот эти совершенно неизвестные цветочки, и эти кустики, усыпанные крупными фиолетовыми ягодками...

Стоп.

Стоп, говорю сама себе. Какими такими ягодками?

Сейчас же весна.

РАННЯЯ. Между прочим. Еще даже самых первых ягодок с месяц, а то и дольше, ждать нужно.

Да и не могла я придумать таких смешных ягодок.

Интересно, а на вкус они какие?

Умм... ничего так, сладкие, чуть с кислинкой, но запах и вкус...

Абсолютно незнакомый вкус.

Тянусь сорвать еще ягоду и натыкаюсь рукой... да какая же это рука – лапа... вот ей на колючку и наткнулась.

– Ай!

Как больно. Хорошо колючка толстая и на веточке крепко сидит, в лапе не осталась. Зато оставила ранку, вот и кровь появилась...

Машинально провожу по алой капельке широким языком... и в голове взрывается недавняя боль.

Ох, голова моя, голова...

– Вия-а-а!

– Да что ж ты так орешь-то, Талм! – болезненно сморщившись, простонала я, протянула руку, чтобы прикрыть глаза от яркого солнца...

И подскочила как на иголках, когда мне в лицо ткнулась мохнатая когтистая лапа.

Так, а вот это уже перебор.

Теперь я уже окончательно пришла в себя и чувствую себя абсолютно здоровой.

И способной рассуждать совершенно благоразумно.

– Вия, тебе лучше? – Перед моим взором возникла встревоженная мордочка гнома, в зеленых глазках застыли светлые слезинки.

Эх, гном, ну не реви же ты так. Мужчины не плачут. Когда их могут увидеть.

А в остальное время... что они, не люди, что ли?

– А что со мной было?

– Ты зачем ягоды заманихи ела? Отравиться решила? – обиженно пробурчал мелкий.

– Откуда мне знать, что это заманиха? У нас в лесу она совсем другая.

– Так! – не выдержал старший гном, упорно сверливший меня сердитым взглядом. – Мало того что ты тащишь на стоянку метаморфа, так еще и обманул меня! Этот метаморф вообще непонятно из каких дебрей пришел, раз даже заманиху не знает.

– Ну и что? – встал передо мной, загораживая своим телом, Талм. – Зато она красивая... такая пушистая и игривая зверушка.

За это оскорбление я его чуть не цапнула. За что? Да за то, что перед самым носом находилось, вот за это и хотела цапнуть.

Хорошо сдержаться успела. А расслышав следующие слова, и вовсе мстить раздумала.

– И раз она сюда попала неизвестно откуда, значит, ей помощь нужна. А то пропадет ни за медник, вон чуть заманихи сдуру не нажралась. Повезло, что я успел у нее изо рта ягоду вытащить.

А вот если бы он знал, что вытащил вовсе не первую, а десятую или двадцатую, тогда точно бы рыдал как девчонка. Стало быть, говорить об этом ему не обязательно. Просто возьму на заметку, что не все растения тут безвредны.

– Талм, но ты же знаешь, что метаморфы опасны, – нудно гудел старший гном. – И к стоянке их приучать нельзя. Потом в жизнь не отвадишь.

Ну, наглеч, даже не задумывается, что я все слышу и понимаю! И на провалы в памяти больше не жалуясь. Да и на отсутствие мстительности – тоже. И никогда не пошла бы после этих слов на вашу стоянку, да что-то в рассуждении меньшого показалось очень правильным.

Теперь, после... хм... отравления, мыслить я стала так же четко, как и раньше. И сразу поняла, что нахожусь вовсе не на родной земле.

Потому что у нас там гномов нет. А если бы и были, то на вот этих зеленоволосых они были бы похожи в самую последнюю очередь.

Хотя все остальное вполне могло ввести в заблуждение. Солнце – точно такое же, может, немного жарче, но это еще выяснить нужно, на какой мы широте. Трава зеленая, но незнакомая. Ни одной родной травки, а уж я-то их наизусть знаю. Да и деревья эти, размером с баобаб, но по виду сосны, а по листьям – нечто среднее между кленом и дубом... Ох.

Стало быть, вовсе не случайно я вдруг превратилась здесь в огромную кошку. Вероятно, так сработало чувство самосохранения, нашедшее для меня самый оптимальный в данном случае облик. Следовательно, именно оно и разум затуманило, сделав на время беспечным и ветреным, – разумеется, тоже неспроста. Пусть такое превращение мне чрезвычайно не нравится, но, видимо, придется временно согласиться с мудрым подсознанием, явно не желающим никаких неприятностей для моего тела и рассудка. И попытаться просто выжить в этом странном месте... а может, и в целом мире.

– Ладно, – тяжело вздохнул старший гном. – Бери. Но если хоть одно замечание – уведешь подальше и сам запутаешь. Дай клятву.

– Даю, – буркнул Талм и, отвернувшись ко мне, тихонько всхлипнул, вытирая кулаком слезы.

– Эй, гном! – укоризненно уставилась я в зеленые глазки. – Я ведь тебе уже говорила, что мужчины не плачут?

До стоянки мы шли с полчаса, и все это время мое сознание то прояснялось, и тогда я начинала понимать всю трагичность происходящего, то снова впадало в беспечное легкомыслие, но я больше не старалась с ним бороться. Просто изучала все вокруг и пыталась найти в своем положении хоть какие-то позитивные моменты. И все было бы относительно прекрасно, если бы не старший лесник.

Я, конечно, Бабка-ёжка очень терпеливая – до поры до времени. Или когда очень нужно. Потому-то кое-как и стерпела, что этот неправильный гном всю остальную дорогу до их драгоценной стоянки вел меня за шиворот.

Правда, не очень крепко хватался, так, чуть-чуть придерживал. После того как я ему показала, какой длины у меня теперь клыки.

Глаза у него от демонстрации моих зубок вмиг стали такие круглые, даже меня саму заинтересовало, что же такого особенного он там увидел. И я бы не удержалась, заглянула в ручеек или озерцо, но, к сожалению, вокруг даже лягушачьей лужи не обнаружилось. А просить зеркало у гномов я не стала. У меньшого его и быть не могло. Откуда взяться зеркалу, если у Талма и карманов нет?

А вот у его плечистого родича... кстати, пора бы уже выяснить, как его зовут. Нет, не в гости зовут, а по имени. Так, о чем это я... А, про зеркало. Вернее, про карманы. Карманы у него были. Потому что одет он в длинную жилетку, перетянутую широким кожаным поясом, и на ней не только карманы. Но и карманчики, и всякие сумочки на поясе вроде дамских театральных, и что-то вроде ножен – правда, оттуда ручка не от меча торчала.

Скорее всего, то, что торчало из ножен, было топориком или молотком. Однако зачем это гному, я пока не догадалась, но очень надеюсь, не для войны какой-нибудь.

Потому как войну в любом ее проявлении я просто терпеть не могу.

– Вот и наша стоянка, – быстро нагнувшись к моему уху, шепнул Талм, и я невольно отвлеклась от своих мыслей, чтобы изучить стояночку.

Обалдеть.

Дай боги всем такие стояночки. Мне-то, наивной Бабке-ёжке, при этом слове что виделось?

Шатры цыганские, шалаши корейские, в каких они живут, пока лук выращивают... ну, на крайний случай, палаточный лагерь на турслете. Или дикое поселение отдыхающих у южного моря.

А вот тут стояли самые настоящие домики. Скромные такие, этажа по три-четыре, не больше. Но не квадратные, как у нас, а круглые. Вроде башен. Или

грибов огромных. Со всех сторон окошками и балкончиками утыканные. Ничего себе архитектурка, мне нравится.

Только стояли домики вовсе не на земле и не на фундаментах, а на тех огромных пеньках, что после дубобаобабов остаются. И самый ближний к тропке, по которой мы пришли, оказался домом Талма. Ну и, само собой, того гнома без имени, который меня за провинности выгонять собрался.

Знать бы мне еще, что тут у них провинностью считается. Надеюсь, не любопытство, потому как мне очень захотелось выяснить, как дом не меньше шести или восьми метров в диаметре на пеньке, что раза в два или три у?же его, держаться умудряется.

Ну, это я думаю, что метров восемь, точнее определить пока не могу, так как ни одного привычного глазу предмета для сравнения поблизости не имею.

А что сама? Сама я тоже неизвестно какого роста. То ли шестьдесят, то ли семьдесят сантиметров от земли, когда на всех четырех лапах стою. А на двух... неудобно оказалось. Спине больно, и равновесие удержать трудно. Это только в цирке собачки с улыбочкой на задних лапках стоят.

А я собственноручно испробовала, и мне не понравилось. Ну, пусть собственноножно. Или собственнолапно. Все равно не понравилось.

- Вия. Вылезай оттуда.

Все-таки злые эти гномы – не дали рассмотреть толком, как это все устроено. Ладно, полагаю, выгонять еще не сейчас будут, успею попозже рассмотреть. Оказывается, этот домик чем-то похож по устройству на карусель. И, судя по следам, то есть по тропинкам, которые не от крылечка, а прямо от стен идут, может поворачиваться, как моя старая избушка поворачивалась.

Старая, что еще от бабки досталась. Разумеется, она никуда не делась, так на даче под Пензой и живет. Ноги, конечно, от любопытных туристов за современным фундаментом прячет – для конспирации.

Да не тяни же ты меня за шиворот, гном бестолковый! Ведь всем известно: если хочешь, чтобы в доме можно было жить, то самому во все вникнуть нужно. И как доски класть, и как шурупы вкручивать, и какой кабель надежнее... Нет. Не кобель. Кобелей надежных не бывает, они все ветреники, им всегда черт в чужих баб меду кладет, но ты, Талм, этого не слышал.

Тебе про это рано знать, судя по тому, как на тебя твой старшой покрикивает.

– Кстати, а как его имя? – шепнула я младшему гному, когда он отправился в ванную руки мыть.

Хотя вполне возможно, что они эту комнатку называют совсем по-другому. Но ведь это же не значит, что и я вдруг начну ломать язык? Для меня это была, есть и будет – ванная. Только так, и никак иначе.

– Его зовут Атаний, – бдительно озираясь, торопливо сообщил Талм. – Он мой старший брат. Меня в этом году мама в первый раз на заготовки отпустила, если провинюсь, он может меня обратно отправить.

Вот, значит, как. Оказывается, мы с Талмом друзья по несчастью. Над нами обоими висит угроза расправы за неповиновение, и средоточие этой угрозы – гном с топориком по имени Атаний.

Ладно, не переживай, Талм, прорвемся. Или я не Бабка-ёжка. Надеюсь, мои способности никуда не исчезли вместе с метлой, сумочкой и праздничным платьем.

– О чем это вы тут шепчетесь? – появляясь в дверях, ехидно спросил гном Атаний и подозрительно уставился на брата.

– Я Вию умываться учу, – кротким голосом соврал Талм и мазнул мне по лицу... ну, то есть по мохнатой морде, мокрой ладошкой.

Пф. Какая гадость. Кто тебе сказал, гном, что кошки любят умываться?

А братец твой, между прочим, совершенно не умеет воспитывать подростков. Если он и дальше будет так рычать на парнишку по поводу и без, то пусть не обижается, если получит через пару лет законченного вруна.

Я еще раз оскорбленно фыркнула и важно пошла прочь из ванной. Туда, откуда вкусно пахло обедом. И сразу вспомнила, что с утра, кроме чашки кофе и бокала с самолично настоянным квасом, ничего во рту не держала.

И если вот эта комнатка не кухня, то я не Бабка-ёжка. И не важно, что она расположена вовсе не там, где обычно располагаются кухни в нашем мире, зато ароматы тут просто замечательные. Почти как у моей бабушки на кухне, а она готовила так, что пальчики оближешь.

Больше не сомневаясь, я запрыгнула на широкую лавку, приделанную к стене в переднем углу, и приготовилась терпеливо ждать, пока мне выдадут мою порцию. Стараясь не обращать внимания на озадаченную мордочку Талма, делавшего вилкой какие-то странные знаки.

Наверное, беспокоится, как я в своих лапах вилку удержу. Да уж постараюсь. Не языком же мне это мясо с тарелок слизывать.

Тут в комнату вошел Атаний, хмуро нас оглядел, положил на свою тарелку внушительный кусок тушеного мяса и поставил ее на пол.

Чудак. Видимо, не желает сидеть с нами за одним столом. Ну, как хочет, просто мне кажется, что ему там будет не очень удобно. Хотя некоторые народы привыкли только так кушать, и если здесь тоже такие порядки, то зачем тогда нужно было ставить в комнате стол?

А Атаний подобрался поближе, ухватил мою тарелку и потянул к себе. Забыл, что ли, что его собственная уже стоит на полу?

– Р-р-рав! – возмутилась я, разглядев, как от меня уплывает несколько кусков румяного мяса, и Атаний резво отпрыгнул.

И не просто испугался, а еще и вляпался в стоящее на полу блюдо.

- Талм! Я тебя предупреждал? – разнесся по кухне грозный рык.

- Да что ты все время на ребенка орешь, как жандарм? – не выдержав несправедливых упреков, от которых у меньшого снова слезинки на ресничках повисли, возмущенно рявкнула я по-человечьи.

Или по-гномы? Или по-гномовски? Ну, это не важно. Важно, что рявкнула.

- Сам во всем виноват, а парнишку замордовал. Ты свою тарелку на пол поставил, ну и ел бы себе там спокойно, чего к нам-то полез?

- Э... э... – Старший гном вылупил зеленые глаза и начал заикаться, так что даже немножко жалко смотреть стало. – Это я тебе, метаморф, на пол еду поставил!

Ах ты... козел зеленоволосый! Чучело огородное! А я-то, дурочка, его еще жалеть вздумала!

Это он, значит, меня, потомственную Бабку-ёжку, с полу, как приبلудную собачонку, кормить вздумал?! И решил, будто я такое оскорбление с рук ему спущу?! Да ни за какие коврижки!

Однако отомстить я не успела. В дверь кто-то постучал и сладким таким голосочком позвал:

- Атаний!

Ля-ля-ля. И кто же это там у нас?

Я ведьма понятливая, немедля в сторонку метнулась, на широком подоконнике за занавеской в клубок свернулась и в щелочку выглядываю.

Талм за мной к оконцу бросился, рядом сел, прикрыл своим худеньким тельцем.

Атаний тоже ужом крутнулся. Мясо с пола мигом собрал, в тарелку сложил и на стол поставил. А следы преступления, в смысле наступления на мясо... нет, не войну он ему объявлял...

В общем, все это он быстренько сапогом по полу размазал и не менее сладенько отвечает:

– Я тут!

Ох. До чего же люблю я фильмы про любовь смотреть. Да и в театре, если актеры хорошо играют...

Сама-то? А что сама? Не старуха древняя, поди, всего двадцать семь с хвостиком. Правда, невезучая в этом смысле, как проклял кто. Хотя я и лично проверяла, и подруг просила – бесполезно. Прибиваются к моему порогу то альфонсы, то артисты... не в том смысле, что в кино снимаются, а по жизни только играть и умеют.

ТЬфу, снова отвлеклась.

А гномка... нет, лучше гномиха... или просто гнома? Нет, некрасиво как-то, но не важно.

В общем, девица оказалась разбитной. И хозяйственная, в смысле по всем действиям видно, что на хозяина глаз положила. Ну, не знаю, я свидетелем не была, клала ли она на него еще что-нибудь, кроме глаз, а наговаривать попусту на девку не хочу.

Потому как она к нам с добром, то есть с пирожками, как Красная Шапочка, пришла, и негоже ее без подарка назад отправлять.

Да она пока и сама уходить не собиралась. К столу присела, глазками стреляет... Эх. Ну точно как одна из стажерок с особыми способностями – собиралась я ей сегодня объявить, что вполне созрела она... да нет, не для сбора урожая, а для посвящения в полноправные Бабки-ёжки.

И пузырек у нее из рукава так же ловко появился. Хотя силы ведьминой я в ней в упор не чую, так, может, в этих местах и сила другая?

А самое главное – интересно, что она с этим флакончиком делать собирается? На меньшого гнома мельком зыркнула, а он как раз занят был, моим хвостом с

оконного переплета пыль сметал... Гномка не оплошала, поспешно своего зелья в чашку Атания капнула и снова сидит как ни в чем не бывало, глазками хлопает.

А вот этого, миленькая моя, я страсть как не переносу. И никакими пирогами тебе своих действий не оплатить. И несмотря на то, что этот несносный Атаний меня глубоко оскорбил, такие запрещенные методы даже на нем применять не позволю.

Подтянув лапой к себе поближе гномчика, я кратко объяснила ему на ухо всю ситуацию. Он даже покраснел от возмущения, так проникся.

А тут как раз и Атаний с чайником вошел. Ну это надо же, насколько одинаково в различных мирах идет прогресс! Чайник медный точь-в-точь такой, как я на выставке старины видела. Там еще, помнится, рассказывали, будто он теперь такой дорогой, за старость свою, чуть не на вес золота. Так, может, когда назад соберусь, прихватить парочку? Вот только как я теперь назад, даже подумать пока боюсь...

– Стой, Атаний! Она тебе что-то в чашку капнула! – бросился к брату Талм, тот, оказывается, уже какой-то душистый отвар по чашкам разлил.

– Ну чего ты врешь? – так и подскочила гномка. – Тебе просто показалось!

А глазки-то как бегают! И тут она чашечку незаметно со стола пальчиком смахнула. К счастью, чашка не разбилась, зато чай на полу с мясным соусом смешался, тут никакая экспертиза ничего не определит.

– Талм, – строго уставился на брата старший гном, – ты точно сам видел, что она в чашку зелье капала?

Засмутился младший, засомневался. Ногой по полу возит, сопит тихонько.

– Талм? – старший уставился на него очень укоризненно и рыкнул погромче.

Ох как страшно. Рычать я и сама умею.

Слезла потихоньку и под столом сзади к красавице подобралась. Принюхалась... хорошая вещь этот кошачий нюх – сразу кармашек определился.

– Я, – говорю, – видела. Вот из того пузырька, что в этом кармане спрятан.

И зубами за карман – хватать.

Что тут началось... Гномиха эта принялась орать, как павлин поутру. И карман из моих зубов выдрать пытается. А при этом еще и меня норовит по спине огреть. Поварешкой. Неизвестно, когда только ухватить успела.

Я, естественно, поддаваться ей не собиралась, крутилась волчком, Талм за мной метался и рыдал, Атаний носился вокруг и матерился. Замечательно матерился, нужно будет себе записать.

Вот так мы минут пять и бегали. Пока в дом какие-то посторонние гномы не понабежали и один, видимо, их старший, потому как с бородой, не рявкнул наконец громовым голосом:

– Стоять!

Да мы и так уже стоим. Не сидим же. Хотя посидеть спокойно после такой разминки не помешает.

Талм хлюпать перестал, меня к себе подтянул, за шею обхватил и смотрит на вошедших диким волчком. Я карман гномки отпустила, но слежу за ней в оба.

Только она попыталась туда ручкой сунуться, как я тихонько рыкнула и показала свои зубки. Гномка все сразу поняла.

Этот, с бородой, на мою скамейку сел, принялся Атания расспрашивать, с чего весь сыр-бор начался. Нет, он конечно, немного не так выразился, это я на более культурный язык перевожу.

Когда бородатый про капли услышал – брови сдвинул, на гномку сердито глянул и приказал ее карманы обыскать.

А что там искать, когда карман, мной пожеванный и измусоленный, за сто метров видно?

И пузырек сразу обнаружился. Гномы его осторожно открыли и все по очереди издали понюхали. После чего физиономии у них стали очень мрачными и суровыми, а у хозяйственной гномки личико красными пятнами пошло.

– Значит, говоришь, это твой метаморф неладное углядел? – задумчиво сказал бородатый, когда двое его подручных гномку куда-то повели. – Ну, за такую службу пусть живет на нашей стоянке сколько хочет. Мясо тебе для него на кухне давать будут, он небось сырое любит.

– Еще чего! – вмиг разозлилась я. – Совсем вы, гномы, обнаглели! Один на пол тарелку поставить норовит, второй вообще сырое мясо предлагает... Да и с чего вы взяли, что я собираюсь тут с вами долго жить? Мне нужно только выяснить, куда я попала и как искать дорогу домой. А вы тут уж как-нибудь сами живите, без меня.

– Вия, – всхлипнул меньшей, – не уходи!

– Не обижайся, малыш, но у меня дома столько дел недоделанных, столько обязанностей, я как-никак старшая Бабка-ёжка нашего ковена. А ты найдешь себе другую игрушку.

– Постой, метаморф, – окликнул меня бородатый. – Так ты что, не из местных?

– Нет, конечно. Я ваших местных и в глаза не видала. Объясняю популярно: летела на Лысую гору, на слет Бабок-ёжек, вдруг бац – и мимо. Очнулась тут. Вот он свидетель.

– Как... летела? – Глаза у бороды квадратными стали. – Ты что, там, у себя, птицей была?

– Ой колхоз! Какой такой птицей? Я у себя там – Бабка-ёжка, в который раз для отсталых рас объясняю. Довольно симпатичная женщина двадцати семи лет с хвостиком.

– Ой, – сказал Талм и поглядел на мою... хм, спину, – а у нас женщин с хвостиками не бывает.

– Ох, чудо лупоглазое. У нас тоже не бывает. Это выражение такое... нет, не из тех выражений, что Атаний тут кричал, когда я ту девицу за карман держала. Кстати, Атанчик, не забудь мне их продиктовать, я запишу. У нас такого никто не знает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/chirkova_vera/zvanie-baba-yaga-potomstvennaya-vedma

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)